
Научная статья

УДК 398,2

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

ИДЕЙНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2022

Аннотация. В статье уделяется особое внимание анималистическим сказкам, как одному из слабоизученных разделов карачаево-балкарского устного народного творчества. Указываются труды разных ученых исследователей, в которых рассматриваются внутрижанровые, сюжетно-стилевые, а также композиционные особенности смежных жанров фольклора, что явились основой для данного анализа.

Так как сказки о животных являются инструментом для трансмиссии знаний молодому поколению, то антропоморфизм в исследуемых текстах трансформируется для более легкого восприятия законов природы. В данной статье проводится научный анализ идейно-композиционного своеобразия карачаево-балкарских анималистических произведений, поскольку до настоящего времени они не были предметом специального изучения.

Определяются факторы, влияющие на поэтический стиль зооморфных образов в текстах сказок карачаевцев и балкарцев: мифологические представления, поверья о животных, влияние социальной среды, стремление понять природные начала. В работе проанализированы, определены мотивы сказок о животных из разных источников, ранее не подвергавшихся исследованию. Акцентируется внимание на различии структурных различий цепной (кумулятивной) сказки.

Ключевые слова: сказки о животных, мотивы, кумулятивная сказка, зооморфные герои, анималистические сюжеты

Для цитирования: Гергокова Л.С. Идейно-композиционное своеобразие карачаево-балкарских сказок о животных // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 156–163. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

Original article

IDEA AND COMPOSITION ORIGINALITY OF THE KARACHAYEV-BALKAR TALES ABOUT ANIMALS

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2022

Abstract. This article pays special attention to the Karachay-Balkar animalistic tales, as one of the poorly studied sections of the Karachay-Balkar oral folk art. The works of various

scientific researchers are indicated, which consider intra-genre, plot-style features, as well as compositions of related genres of folklore, which were the basis for this analysis.

Since fairy tales about animals are a tool for imparting knowledge to the younger generation, anthropomorphism in the studied texts is being transformed for easier perception of the laws of nature. This article provides a scientific analysis of the ideological and compositional peculiarities of the Karachay-Balkar animalistic works, since they have not been the subject of special study until now.

The factors influencing the poetic style of the zoomorphic texts of Karachays and Balkars are determined: mythological ideas, beliefs about animals, the influence of the social environment, the desire to understand the natural principle. The paper analyzes and defines the motifs of Karachai and Balkar tales about animals that have not been previously studied from different sources. Attention is focused on the presence of structural differences in the chain (cumulative) tale.

Keywords: fairy tales about animals, motifs, cumulative fairy tale, zoomorphic characters, animalistic plots

For citation: Gergokova L.S. Idea and composition originality of the karachayev-balkar tales about animals. Vestnik KBIGI = KBİHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 156–163. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

Самые ранние сведения о карачаево-балкарских сказках относятся к XIX веку. Начало сбора и публикаций текстов данного жанра устного народного творчества было связано с именами известных русских, европейских ученых, а также людей первого поколения национальной интеллигенции (Н.П.Тулчинский, В.Прёле, Науруз и Сафар-Али Урусбиевы и др.).

Изучение фольклорных жанров продолжается и по сей день. Написано значительное число научных статей и монографий. По анализируемой теме можно отметить работы таких карачаево-балкарских исследователей как Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2018], Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2010], Б.А. Берберов [Берберов 2016], Л.С. Гергокова [Гергокова 2020], Ф.Х. Гулиева (Занукоева) [Гулиева (Занукоева) 2019] и др.

Известно, что из всех видов жанра сказочного эпоса, сказки о животных самые древние. Они близки по содержанию и с нарративами мифологического характера, и с рассказами связанными с поверьями о разных животных. За многовековую историю такие поверья потеряли исходные функции, и ореол сакрального зверя поблек, образ перешел в сказки, потеряв магическую силу, и уже предстал в новом сказочном пространстве как человеческая аллегория.

Сказка отображает мировоззрение этноса на разных периодах его развития. Проходя через века, передаваясь из уст в уста, она модифицируется совместно с порождающей ее реальностью. Эти тексты анималистического жанра, обладают довольно богатым арсеналом художественных средств. Благодаря исследованию данных фольклорных произведений можно понять психологию и мировосприятие этносов-носителей. «Этот арсенал складывается из слова, голоса (интонация и тембр), мимики и жеста. Сказка, ее бытование и носители (то есть действия), чувства ритма, обстановки и некоторой свободы отношения к содержанию текста в зависимости от требований минуты. Ни один другой род народного творчества не обладает таким богатством возможных средств [Никифоров 2008: 64].

Для карачаево-балкарских сказок о животных характерна апелляция к образам животных для воссоздания сложных взаимоотношений между людьми, между природой и человеком. На опыте работ В.Я. Проппа мы классифицировали анималистические сказочные персонажи по признакам – домашние и дикие животные, а также пернатые. В целом получились 6 тематических групп произведений данного жанра: сказки о диких животных; сказки о диких и домашних животных; сказки о человеке и диких животных; сказки о домашних животных; сказки о птицах, рыбах и др.; сказки о прочих животных, растениях и др. [Пропп 2000: 272].

В зооморфных сказках карачаевцев и балкарцев встречается общность многих сюжетов и мотивов с русскими, а также с фольклорными текстами соседних народов, но это вовсе не означает переложения сюжета или полного заимствования. «Сказка оказалась в этом смысле особенно щедрой и представила исследователям богатый и разнообразный материал, демонстрирующий удивительные сходства, иногда даже совпадения, в фольклоре самых различных народов. Поэтому не случайно именно проза была первым фольклорным жанром, давшим возможность – отправляясь как раз от явных элементов стереотипности – систематизировать мировое сказочное наследие с помощью указателей мотивов, сюжетов и т. д.» [Рошияну 1974: 7] справедливо отмечает Н. Рошияну. Это суждение полностью может быть отнесено к карачаево-балкарским анималистическим сказкам. Их художественное своеобразие проявляется в самобытности действующих героев, сюжетном составе, композиции, в использовании богатства языка и их роли в жизни социума. Эти фольклорные нарративы отражают повседневную речь людей разных социальных классов.

Данная работа является проведением краткого сравнительного анализа сюжетно-композиционных особенностей некоторых ранее не изученных текстов карачаево-балкарских народных сказок, основы которых состоят из разных анималистических изобразительно-повествовательных мотивов.

Эти произведения в карачаево-балкарском фольклоре нельзя отнести к самым разнообразным, насчитывается относительно небольшое количество сюжетов. По частотности их фиксации они также занимают малую долю сказочного репертуара, а по адресности рассчитаны на детскую аудиторию. Структура данных сюжетов довольно проста. Как и другие виды сказок этого жанра, они начинаются с традиционного зачина «*Эртте-эртте бир кюлтыпысчыкъ зашап болгъанттей*» – «*Давным-давно жил-был один лентяй, говорят.*»; «*Бурун заманлада улакъ, бузоу, къозу шуёх болуп татлы жашагъандыла*» – «*Давным-давно козленок, ягненок и теленок жили дружно, душа в душу*», но во многих текстах идет простое изложение ситуации «*Эки уллу тенгизни арасында бир ариу айыркъам болгъанды*» – «*Между двумя большими морями был один красивый остров*»; «*Бир бёрю марда-сыз ач болуп кетип бара, агъач къыйырында сюрюуден айырылып тургъан бир арыкъ къойгъа жолукъгъанды*» – «*Один волк беспрдельно голодный, пробежал и на окраине леса*» [КЪМФС 2017] и т.д. Дальше уже следуют строго в соответствии с логикой развития событий экспозиция, завязка, кульминация (развитие действия), развязка и концовка.

Анималистические сюжеты заканчиваются традиционными финальными формулами как: «*Жандар бла къатыны ашап-жашап къаладыла. Тюлкую къуру аманлыкъны жоралап айлана кетип, кеси да онгмай ёлюп къалады*» – «*Жандар и его жена остались жить-поживать, а лиса все время гонялась за злом, поэтому и сама погибла*»; «*Энди мени да заманым жокъду, жомакъ да бошалды*» – «*Теперь и у меня больше нет времени, и сказка закончилась*»; «*Тирменчи уа ырахат ашап-жашап къалды*» – «*Мельник же стал спокойно жить-поживать*»; «*Энтта да ала бир бёлек жылы барлыкъдыла. Ала ары жетмей турлукъ кибики, сиз да, биз да, шуехларым, дуниядан кетмей турайыкъ*» – «*Еще несколько лет они будут идти. Пусть и вы, и мы, друзья, не уйдем с этого мира, как эти великаны не дойдут до того места*», а так же используются формулы-пословицы: «*Ахишылыкъгъа аманлыкъ бла жууап этерге кюрешме*» – «*На добро не пытайся ответить злом*»; «*Кишиге кёр къазма, кёр къазсанг кесинг тюшерсе!*» – «*Не рой другому яму, а то сам в нее попадешь!*» [КЪМФС 2017] и т.д.

Действующими персонажами в зооморфных сюжетах чаще всего являются антагонистические персонажи «кот и мыши, овца и волк, козел и волки, тетерев и лиса» и т.д. После встречи этих героев для раскрытия дальнейшего сюжета используется диалог. Полные оптимизма представители фауны выходят обычно из многих сложных ситуаций при помощи смекалки и хитрости.

Композиция карачаево-балкарских сказок о животных отличается простотой и афористичностью. Зачастую эти тексты одноэпизодичны и конфликт между персонажами заложен уже в названии: «Тюлкю бла зурнук» – «Лиса и Журавль» [КМХЖ 2012: 577], «Бёрю бла кьой» «Волк и Баран» [КЪМФС 2017: 561] и др. В данных сказаниях с самого начала вызывает недоумение необычность дружбы между столь противоположными персонажами. Казалось бы, не бывает хороших чувств между хищниками и травоядными (волк и баран) или птицей и хищником (лиса и журавль), но в сказочном пространстве происходит все что угодно. Выбор персонажей определен внешними и внутренними различиями героев, что и является источником конфликта. В конце подобных сказок герои всегда остаются неудовлетворенными исходом событий.

Самые древние формы зооморфных сказок были связаны с тотемистическими мифами, они возникли во времена верований людей в мистические свойства разных животных. Это было ранней формой животного эпоса, где строился мифологический рассказ о естественном родстве исследуемого этноса с каким-нибудь животным предком. Поэтому в репертуаре животных сказок сохранились произведения с мотивами о родстве человека с зооморфным образом. К примеру, один из таких мотивов о совместной жизни героя с медведицей прослеживается в сказке «Айыу улучукъ» [КЪМФС 2017: 615] – «Сын медведицы».

Сказка начинается традиционным зачином: «Эртте-эртте бир киши кьалай бла эсе да айыу кьатын алгъанды» – «Давным-давно один человек как-то женился на медведице». У этого фольклорного текста особая композиция, которая выделяется концентрацией действия на герое. В данном случае – это получеловек–полумедведь в человеческом облике, рожденный от медведицы и охотника, обладающий недюжинной силой и мощью. Нужно отметить, что данная сказка сочетает в себе несколько мотивов и сюжетов не только из разных анималистических произведений, но и от архаической мифологии и волшебной сказки. Медведь в исследуемом произведении все еще сохранил какие-то тотемные черты, поэтому и происходит тождество животного и человека. Союз между ними и связывает рассказ с мифом. Считалось, что самые жестокие войны среди людей в своей ярости уподоблялись медведям, и они рвались в бой как свирепое животное.

Сюжет данной сказки многоэпизодичен. Дальше по тексту обилиуют диалоги героя с разными персонажами с повторением однотипных ситуаций.

Концовкой служит традиционная финальная формула: «Кишиге кёр кьазма, кёр кьазсанг кесинг тюшерсе!», – деп, кишини да чыгырып, жолгъа тюшеди» [КЪМФС 2017: 617] – «Не рой другому яму, если будешь копать, сам попадешь!» – сказав, выпустив человека, отправился в дорогу».

Внимательно исследовав данную сказку, можно отметить здесь явное смещение жанровых форм внутри сюжета. Следовательно, этот мотив зооморфного эпоса является пограничным явлением между жанрами.

Подобного рода симбиоз мотива волшебной и животной сказки прослеживается в сюжете «Алапат тайчыкъ» [КЪМФС 2017: 639] – «Чудесный жеребенок». Текст начинается с того, что сказитель дает информацию о главных героях уже в начале произведения. Здесь мы наблюдаем встречу младшего сына и дикого коня, их диалог соответствует анималистическим мотивам. Дальше по сюжету рассказывается об их совместных подвигах, сближающих данное произведение с волшебной сказкой. «В таких усложненных сюжетно-композиционных конструкциях повествование как бы сегментируется и в каждой части на передний план выдвигаются разные персонажи» [Гулиева (Занукова) 2019: 50].

В зооморфных сказочных сюжетах важно отметить мотив знакомства друг с другом главных героев, которые по какой-то непредвиденной причине вынуждены путешествовать вместе. Так в сказке «Уручула» [КЪМФС 2017: 596] – «Воры» описывается встреча четырех персонажей – осла, собаки, кота и петуха, которых связала одна судьба. Их выгнали хозяева из-за старости, и теперь они вынуждены

объединиться, чтобы выжить. «Энди тёртюбюз да бир оноулу болайыкъ. Биз энди иелерибизге къайтып барсакъ да, къыстап иерикдиле. Аман, иги болса да, бир акъыллы болуп, жашау этерге кюреширге керекбиз. Хайдагъыз, былай анда, агъач ичинде бир уручула бардыла да, алагъа бир барайыкъ, – деп тебирегендиле» [КЪМФС 2017: 596]. – «Теперь, мы вчетвером должны прийти к единому решению. Если мы еще раз вернемся к своим хозяевам, они опять прогонят нас. Хорошо или плохо, мы должны держаться вместе и стараться продолжить нашу жизнь. Давайте, где-то там, внутри леса есть какие-то вору, сходим к ним, – сказали они и отправились туда».

Композиция подобных сказок о животных базируется на многократном повторе эпизодов. Это художественное клише дает возможность уточнять причину, детали и обстоятельства. Здесь ничего запутанного нет. Например: повторяется встреча животных.

«Эшек, чыгъа барып, магуш сьртында эринин салындырып тургъанлай, бир жаньындан бир ит, «канк-кунк» эте, чыгъып барып:

– Нек тураса былайда? – деп, эшекге соргъанды.

– Къарт, къарыусуз болгъанма. Жегерге жарамайма да, ием туююп къыстагъанды. Сен а нек келгенсе?

– Къарт болгъандан сора, мал да, адам да кимге керекди? Мен къарт болгъанма да, ыстауат сакъляялмайма да, ием туююп къыстагъанды, – деп, экиси да алай тургъанлай, бир кишитик, созула-созула келип:

– Нек турасыз былайгъа жыйылып?

– Къарт болгъанбыз да, иелерибиз туююп къыстагъандыла. Сен а неге келгенсе? – деп соргъанларында:

– Да, къарт, къарыусуз болгъанма да, чычханны туталмай башлагъанма да, ием туююп къыстагъанды.

Ала ючюсю да алайда тургъанлай, бир жанларындан, къанатларын къагъа, бир эркек тауукъ чыгъып баргъанды.

– Нек турасыз былай?

– Къарт болгъанбыз да, иелерибиз туююп къыстагъандыла. Сен а нек келгенсе?

– Къарт болгъанма да, эрттенликде къычыралмайма, къычырып адам уяталмагъанымда, ием туююп къыстагъанды» [КЪМФС 2017: 596] – «Осел, отправившись в дорогу, возле мусорной кучи стоял с опущенной губой, когда собака с лаем «гав-гав», появилась откуда-то:

– Почему ты здесь стоишь? – спросила у осла.

– Я стал старым, слабым. Я не пригоден, чтобы меня запрягли, и мой хозяин, побив, прогнал меня. А ты чего пришел?

– После того, как постареют и животные, и люди, кому они нужны? Я состарилась, не могу охранять хозяйство, и хозяин меня прогнал, побив, – сказала она, и вскоре к ним присоединился один кот, еле-еле двигаясь, подошел:

– Почему вы здесь стоите?

– Мы состарились, и наши хозяева, избив нас, прогнали. А ты чего сюда пришел? – спросили они:

– Да, состарился, ослабел я, когда перестал ловить мышей, мой хозяин прогнал меня, побив.

Когда они втроем там стояли, к ним подошел петух, хлопая крыльями.

– Почему вы здесь стоите?

– Мы состарились, из-за этого наши хозяева нас побили и прогнали. А ты чего сюда пришел?

– Я состарился, и по утрам не могу кричать, не могу будить людей, мой хозяин меня побил и прогнал».

Многократность действия в данном тексте связана со словесной формулой «Нек тураса былай?» – «Почему ты здесь стоишь?», а дальше каждый рассказыывает о своей несчастной судьбе.

Композиция многих карачаево-балкарских животных сказок построена на «нанизывании» действия, их обычно называют кумулятивными. «В этих сюжетах-кумуляция-циклическое повторение и расширение сюжетных узлов – один из принципов создания сказочного текста. Героями этих цепевидных структур являются животные персонажи, птицы, предметы. «Обычно кумулятивные сказки причисляют к фольклору для детей, ибо им характерна напряженность сюжета, эмоциональность, занимательная форма исполнения» [Басангова 2019: 22]. По Проппу «часть сказок, обычно относимых к сказкам о животных, принадлежит к кумулятивным» [Пропп 2000: 351].

В подобных сказках действие циклично, состоит из схемы эпизодически повторяющихся обращений главного героя за помощью. Следовательно, формула такой композиции заключается в многократном повторении единицы сюжета, клишировании. В версии сказки «*Бит бла бюрче*» [КЪМФС 2017: 648] – «*Блоха и вошь*» блоха, чтобы помочь своему другу выйти из воды, ходит от одного персонажа к другому. Первым идет к кабану, кабан отправляет к дереву, дерево к орлу, орел к курице, курица к амбару, амбар к кошке, кошка к корове, корова к косарям. Многократность действия связана с повторением некоторых словесных формул. Они выражаются в виде диалога или же какой-либо реплики. Речевая формула повторяется каждый раз, настолько, сколько и само действие. «*Ийнек сют бергенди. Сютню кишитикге береди. Кишитик чычханнга, чычханла гённге тиймезге айтадыла. Гён тары бергенди. Тарыны тауукъгъа береди. Тауукъ балачыкъ бергенди. Аны бюрче къушха элтеди. Къуш терекге тиймезге айтханды. Терек алма береди. Алманы тонгузгъа ашатханды. Тонгуз къыл бергенди. Бюрче аны бла битни суудан ётдюргенди*» [КЪМФС 2017: 648]. – «*Корова дает молоко. Молоко отдала кошке. Кошка мышку, мышка амбар обещают не трогать. Амбар дает просо. Просо отдает наседке. Наседка дает цыпленка. Его блоха отдает орлу. Орел обещает не трогать дерево. Дерево дает яблоко. Яблоко скормила кабану. Кабан дал волосок. Блоха им переводит вошь через реку*».

На подобный кумулятивный сюжетный ход указывается, когда персонаж что-то роняет. Этот элемент сюжета широко используется, служит моментом нравовучения и развязкой. Это наблюдается в сказке «*Тюлкюню къонгуруу*» [КЪМФС 2017] – «*Колокольчик лисы*».

Отдельно можно выделить карачаево-балкарские комические сказки, имеющие общую ироническую концепцию. К таким сюжетам можно отнести: «*Бёрю, тюлкю, ат*» [КЪМФС 2017] – «*Волк, лиса, конь*», «*Кюлтыпысчыкъ*» [КЪМФС 2017] – «*Лентяй*», «*Ичгичиле*» [КЪМФС 2017] – «*Пьяницы*», «*Бёрю бла агъач тауукъ*» «*Волк и фазан*» [КЪМХЖ 2012: 589]. В этих рассказах, как и в сюжете сказок данного жанра, совершаются разные действия – от хитрой проделки да развязки, где в иронической ситуации остается глуповатый герой или трикстер. Эти сказки носят моралистический характер, где довольно остро противопоставляется добро со злом. Для таких рассказов характерно счастливое завершение сюжета.

В карачаево-балкарских животных сказках присутствует и мотив горского сватовства. В них показаны горские традиции сватания невесты, а также оплакивания умерших. Например, в сказке «*Тюлкю бла тирменчи*» [КЪМФС 2017: 557] – «*Лиса и мельник*».

«*Ой, багъалы, насыплы хан, жаш: «Алай барыргъа уялгъан этеме: къаллай бир кёлюне келе эсе, кёлюне келген къалынны айтсын, къызын келтирир, не киеу нёгерле баргъан кюн, айтхан къалыныгъызын да алып барырма, деп айтханды*», – дейди.

«*Дагъыда жашны махтай эди. « Ой, ол бир къалын, бир харакет, бир мал къадар жыйып турады*» [КЪМФС 2017: 557]. «*Ой, драгоценный счастливый хан, парень сказал: «Мне неудобно идти просто так. Пусть хан скажет, какую он считает нужной цену калыма, и я принесу его в тот день, когда мы с друзьями поедем за невестой*».

(Лиса) еще хвалила парня: «Ой, он, сколько калыма, сколько вещей, сколько скотины собрал». Из этих отрывков видно, что в сказке сватовство происходит, как и в обычной жизни этноса-носителя – назначение дня свадьбы, друзья жениха, калым, что придает данным фольклорным произведениям национальный колорит.

Многие анималистические сказки построены на мотиве обмана, выражающегося в виде коварного совета, неожиданного испуга, «а также притворства, который требует лукавого и хитроумного исполнителя, каким здесь в основном и является лиса, а также потерпевшем персонаже – волк, медведь, другое животное или человек. Характерной особенностью обмана в карачаево-балкарских сказках о животных нередко является запугивание. Так слабый персонаж противопоставляется более сильному и злему. Умение главного героя перехитрить, обмануть своего соперника, независимо от того кто сильнее, помогает слабому персонажу стать победителем» [Урусбиева 2010: 123]. Например: «Тюлкую бла бёдене» [КЪМФС 2017: 660] – «Лиса и перепелка», «Айыу, беру, кызыл тюлкую» [КЪМФС 2017: 663] – «Медведь, волк, красная лиса».

Таким образом, карачаево-балкарские сказки о животных весьма многообразны по типам и состоятельны по сюжетам. Композиция этих произведений очень искусна, хотя в них нет сложных приемов. Некоторые из них близки по содержанию со сказками многих соседних и дальних народов. Это объясняется общими законами в творчестве и сходными условиями жизни, но также они могут быть заимствованы от одного народа к другому, что не исключено при длительном и близком соседстве народов и высокой лабильности самого жанра.

Следовательно, зооморфные сказки карачаевцев и балкарцев по композиции не сложны, обилуют диалогами, традиционными формулами. Основным конфликтом в данных произведениях является противостояние живой природы и цивилизации. Со временем эти тексты потеряли свои изначально характерные магические свойства, обретая другие мотивировки. Все средства художественной образности, использованные в сказке о животных, делают ее красочной, эмоциональной, яркой, поэтому она является любимым жанром младшего поколения. Мораль многих сказочных текстов переходит в пословицы, которым свойствен иносказательный характер, осмысление которого интересно для всех слушателей.

Список источников

Басангова 2019 – *Басангова Т.Г.* Животные в калмыцком фольклоре. (на рус. и калм. яз.) Элиста, КалмГУ, 2019. 192 с.

Берберов 2016 – *Берберов Б.А.* Архетипический образ медведя в карачаево-балкарской народной сказке // Типология и поэтика традиционного фольклора народов северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 28-36.

Гергокова 2016 – *Гергокова Л.С.* Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ 2016. 4 (31). С. 122–125: 123.

Гергокова 2020 – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных: сбор, публикация, изучение // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 282–288.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.

КЪМФС 2017 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду* (Свод карачаево-балкарского фольклора). Т. 3. Нальчик: издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.

КМХЖ 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла* (Карачаево-балкарские народные сказки). Составитель Мусукаева С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.

Малкондуев 2018 – *Малкондуев Х.Х.* Къарачай-малкъар фольклорну эм эрттегили жанрлары. Мифле. Тёреле. Эпос. Жомакъла. (Древнейшие жанры карачаево-балкарского фольклора. Мифы. Обряды. Эпос. Сказки.). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 132 с.

Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. 376 с.

- Пропп 2000 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.
Рошмян 1974 – *Рошмян Н.* Традиционные формулы сказки. М.: издательство «Наука», 1974. 216 с.
Урусбиева 2010 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии: Монография. УРАН Сев.-осет ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: НПО СОИГСИ, 2010. 128 с.

References

- BASANGOVA T.G. *ZHivotnye v kalmuckom fol'klоре* [Animals in Kalmyk folklore]. Elista, KalmGU, 2019. 192 p. (In Russian and kalm.)
- BERBEROV B.A. *Arhetipicheskij obraz medvedya v karachaevo-balkarskoj narodnoj skazke*. IN: [The archetypal image of a bear in the Karachay-Balkar folk tale]. *Tipologiya i poetika tradicionnogo fol'klora narodov severnogo Kavkaza* [Typology and Poetics of the Traditional Folklore of the Peoples of the North Caucasus]. Nal'chik, 2016. P. 28–36. (In Russian)
- GERGOKOVA L.S. *Tipy syuzhetov, postroenie motiva obmana v karachaevo balkarskih skazkah o zhyvotnyh* [Types of plots, construction of the motive of deceit in Karachay-Balkarian fairy tales about animals]. IN: *Vestnik KBIGI* [Bulletin of KBIGI] 2016. 4 (31). P. 122–125. (In Russian)
- GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhyvotnyh: sbor, publikaciya, izucheniye* [Karachay-Balkar fairy tales about animals: collection, publication, study]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.]. 2020. № 6 (98). P. 282–288. (In Russian)
- GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-Balkar fairy tale]. Nal'chik, 2019. 108 p. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu (*Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora*) [Code of Karachay-Balkar folklore]. Tom 3. Nal'chik: izdatel'stvo IGI KBNC RAN, 2017. 990 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la (*Karachaevo-balkarskie narodnye skazki*) [Karachay-Balkar folk tales]. Sostavitel' Musukaeva S.A. Nal'chik: El'brus, 2012. 592 p. (In Karachay-Balkarian)
- MALKONDUEV H.H. *K"arachaj-malk"ar fol'klornu em erttegili zhanrlary*. Miflye. Tyorele. Epos. ZHomak"la. [The oldest genres of Karachay-Balkar folklore. Myths. Rites. Epos. Fairy tales.] Nal'chik, 2018. 130 p. (In Karachay-Balkarian)
- NIKIFOROV A.I. *Skazka i skazochnik* [Fairy tale and storyteller]. M.: OGI, 2008. 376 p. (In Russian)
- Propp V. YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. M.: Labirint, 2000. 413 p. (In Russian)
- ROSHIYANU N. *Tradicionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. M.: izdatel'stvo «Nauka», 1974. 216 p. (In Russian)
- URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskaya skazka. Voprosy zhanrovoj tipologii: Monografiya*. [Karachay-Balkarian fairy tale. Issues of genre typology: Monograph.] URAN Sev.-oset in-t gum. i soc. issled. Vladikavkaz: NPO SOIGSI, 2010. 128 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л. С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.